

ОСТОРОЖНО,
ПОПАДАНКА!

ФРАНЦИСКА ВУДВОРТ
НАСТЯ ЛЮБИМКА

Всем, кому должна, – прощаю,

или **ОТ ЛЮБВИ
СТРАХОВКИ
НЕТ!**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Надежда Раевская

— Ты и сама должна понимать, мать, что тебе не место в моей семье, — подсовывая бумагу на подпись, сказал как отрезал сын. — Люде моей глаза мозолишь, а она беременная, ей покой нужен. Мы не можем без своего угла быть. Людочка нервничает, и все это на ребенке отражается.

— Но куда же я пойду? — все еще не укладывалось у меня в голове происходящее.

— Россия большая, — не растерялся сын и даже глаз не отвел. — У тебя подруги есть. А вообще люди и в подвалах неплохо спят. Мне все равно. Мешаешь ты нам.

Его слова ударили наотмашь. Эдик, родная кровиночка, превратился в злого и агрессивного незнакомца. Я с недоумением смотрела на документы, не понимая, когда он успел их подготовить. Голова была словно чугунная. Я пришла из офиса, где подрабатывала уборщицей, мечтая дать отдых ногам и поесть, а в итоге на кухне меня потчуют со всем другим блюдом.

Невестка мышью сидит в комнате, но не может не слышать, о чем идет речь. Уверена, это она Эдика накрутила! Никогда мне жена сына не нравилась, и я радовалась, что живут отдельно, пусть и снимают угол. Детей у них долго не было, а тут через семь лет понесла. Эдик с ума сошел от радости.

Со своей Людочки пылинки сдувает. Носится с ней как с писаной торбой, все капризы исполняет. А она ушла с ра-

боты и целыми днями лежит на диване, по дому палец о палец не ударит. Тарелку за собой не помое!

Дура я была, что их пожалела. Но сын едва в ногах не валялся, умоляя пустить жить к себе. Жена ушла с работы, ей тяжело с подносами официанткой бегать, а он один съемное жилье не тянет. Опять же, Людочке питаться требуется хорошо, нервничать нельзя. Да и деньги отложить к рождению ребенка необходимо.

Я дрогнула. Все же внука ждем. Если потеряет, не только сын мне этого не простит, я сама себя не прощу. Вот только с их переездом я незаметно превратилась из хозяйки в прислугу «принеси-подай». Сын после работы устает, весь дом на мне. Мало того, и расходы на продукты возросли, мне постоянно приходится таскать тяжелые пакеты. Приготовь, убери... А ведь я тоже работаю. Но помощи нет.

— Это моя квартира, — наконец нашла в себе силы возразить. — И это вы живете на моей территории.

— Ты эту дурь из головы выброси! — моментально взъерошился Эдик. — Кончай тут елозить, бумагу подписывай, а не то я тебя, как отец, кулаками угощу. Теперь понимаю: ты сама была виновата, что он на тебя руку поднимал. Из-за твоего дурного характера я без отца остался! — попытался он разбудить во мне застарелое чувство вины.

Раньше стоило ему упрекнуть отцом, я тут же покупала желанную игрушку, а когда подросток — давала деньги на развлечения. Все жилы тянула ради него, чтобы ни в чем не нуждался. И вот, дождалась!

— Не буду, еще и полицию вызову, — отчеканила я. — Собирайте манатки и пошли прочь!

Я и так всю жизнь ради сына терпела мужа-тунеядца. Вечно приговаривала, что все так живут. Мы вместе из деревни уехали в город, в поисках лучшей жизни. Вначале все хорошо было. На первое время нас приютила мамина сестра Катерина, а найдя работу, мы съехали, сняли комнату. И если я хваталась за любую подработку, то Витя выбирал. То ему не так, это не этак. Если и устраивался куда, то ненадолго. А потом и вовсе стал попрекать, что я его с насиженного места сорвала.

Может, мы бы и развелись, но я забеременела. Витя воодушевился, обещал, что ради меня и ребенка горы свернет. Но первая радость прошла, а все осталось по-прежнему. Тянула я семью одна. Матери заикнулась, что не могу с ним больше жить, но она на меня в крик, мол, позорю ее. Много я о себе нового тогда узнала.

И не красавица ведь, мама мне прописную истину втолковывала: благодарной я быть должна, что хоть кто-то на меня посмотрел да ребенка заделал. Терпеть надо, как все женщины, благодарной быть. Ребенок не должен расти в неполной семье.

И рос вот он в полной, да несчастливой. Может, я бы и терпела, если бы Витя не стал руки распускать. Вот тут-то мое терпение и лопнуло.

Мать развода мне не простила. Спасибо тетке. Забрала к себе, с ребенком сидела, когда я на работу вышла. Она одинокая была, с мужем не сложилось. Ушел к молодой любовнице, которая ему ребенка родила. Тетя бесплодной оказалась. Вот и прикипела к нам, мы хорошо с ней жили. После смерти квартиру мне оставила.

Сколько бессонных ночей, сколько сил было вложено в сына! И ради чего? Чтоб в один прекрасный день стать обузой в собственной квартире? Чтобы каждый день унижаться ради куска хлеба? Это еще при том, что мою пенсию они с невесткой забирают...

Как я докатилась до такого? И ведь поначалу Людочка такой приветливой была, благодарной. Я уж думала, что зря у меня к ней душа не лежала. А как к нам переехала, да как сын, втершись в доверие, бумагу у меня выпросил на получение пенсии, так все, как подменили обоих!

Меня на улицу?! Неблагодарные! Я свой век в своей же квартире доживать буду!

— Пошли вон! — Я не кричала, я с иступлением рвала дарственную на свою квартиру. — Ни за что не подпишу эту писульку, а угрожать станешь, так я быстро заявление в полицию подам.

Я жадно дышала, пытаюсь хоть немного прийти в себя. Еще инфаркта не хватало! Не дождутся, изверги!..

— Собирайте вещи, чтобы завтра ноги вашей здесь не было, — глухо произнесла я. — Видеть вас не могу!

Находиться в родном доме было невыносимо, и ноги сами понесли в коридор.

— Нас с родным внуком на улицу? — взвизгнул Эдик мне в спину. — Ты сумасшедшая! Дура старая! Да я тебя в пихушку упеку!

Не желая слушать всю ту грязь, которую он выливал на мою седую голову, рванула с вешалки пуховик, всунула ноги в дешевые дутые сапоги и выскочила из квартиры, хлопком двери отсекая от себя голос сына.

Дрожащими руками пыталась застегнуть молнию пуховика, но все не получалось. Привалилась к двери, оперев локти для поддержки, и, наконец, попала в паз, потянув вверх собачку замка.

— Куда она пошла? — донесся голос невестки.

— А черт ее знает! — выругался сын. — Вот бы утопилась, старая маразматичка.

— Ага, такая утопится... — с неожиданной злостью ответила Людочка.

И меня как волной отшвырнуло от двери квартиры. Шаркая уставшими ногами, медленно спускалась по лестнице. В груди пекло так, что хотелось умереть. Но невестка права — хрен им, не доставлю такого удовольствия!

Слезы ручьями текли по лицу, а я не понимала, где так провинилась в жизни? Что делала не так? Всю жизнь ищу любви и не вижу ее. Родная мать не любила, не жалела никогда. Слова ласкового не сказала. Нас у нее пятеро, а я самая старшая. Отец алкоголик, и всю семью тянула она, работая на двух работах. Уставала смертельно, вечно злая, раздражительная. Я всеми силами старалась помочь ей: за младшими присмотреть, дома убрать, есть приготовить. Я же после школы и учиться дальше не пошла, сразу на работу устроилась, чтобы ей легче было. Разве мне кто спасибо сказал? Нет, будто так и надо.

Думала, муж любить будет, создам свою семью. И когда Виктора встретила, решила — вот оно, мое счастье. Казался таким надежным, внимательным, ухаживал красиво. А в итоге повторила судьбу матери, взвалив все на себя.

Может, в этом моя ошибка? Не стоило быть такой понимающей, жалеть его. Дала бы раз пинка под зад, чтобы шел работать и перестал витать в облаках, может, и наладилась бы жизнь...

После развода решила, что буду жить ради сына. Вот кто меня любит просто за то, что я есть. Себе во всем отказывала, лишь бы он ни в чем не нуждался. Игрушки, в которые ткнет пальцем, — его. Плавание, волейбол, бокс, карате. Оплачивала любые секции, но он надолго ничем не увлекался. Понравилась кроссовки дорогие — себе откажу во всем, но ему куплю. Репетиторы для учебы? Пожалуйста. Да я кредит взяла, чтобы ему учебу в институте оплатить, только он прогуливал и бросил. Так и осталось неоконченное высшее. А я же мечтала, чтобы хоть у сына было высшее образование.

Когда я его упустила? Как получилось, что вырастила эгоистичное, неблагодарное чудовище? Я же всю жизнь на него положила. Ради него жила. Экономила на себе. Когда на пенсию вышла, дома сидеть не стала, чтобы и дальше ему копеечкой помогать. А он меня на улицу?! Ради этого я жила?

Тяжелые мысли давили, не давали вздохнуть. Я вышла из дома и, не зная куда идти, пошла вокруг по цементной дорожке возле фундамента. Рванула ворот пуховика, вдыхая холодный воздух. Весна, но снег еще лежит. Как же хочется тепла!

Казалось, душа замерзла настолько, что внутри звенело все от лютой стужи.

За что мне такая судьба? Почему я страдаю? обманы, предательства, мною пренебрегают, не ценят. Не любят. В чем я провинилась, где оступилась и неправильно повела себя?

Я напряженно думала, стараясь это понять. И, кажется, нашла ответ. Я всегда жила для других. Старалась заслужить любовь — сначала матери, потом мужа, сына. А нужно было в первую очередь любить себя. Баловать не других, а себя. Не ждать, когда меня полюбят и оценят другие, а самой себя ценить. Уважать.

Боги, мне пятьдесят семь лет, а эту простую истину я поняла только сейчас! Когда жизнь, считай, прошла.

«С меня довольно!» — сказала себе. Завтра же начну жить по-новому, отбросив ложное чувство вины, обязательства перед сыном. Хватит! Ему уже за тридцать, он здоровый мужик и пусть живет сам и своим умом. И перец им жгучий под нос, а не квартира! Продам и уеду в другой город. А лучше к морю! Хоть в селе каком домик куплю и заведу хозяйство. Не пропаду! Пусть сын рассчитывает лишь на свои силы. Я долги отдала.

«Я больше никому ничего не должна!» — с особым удовольствием повторила мысленно эти слова и почувствовала удивительное чувство свободы. Даже не так — освобождение! Моя душа как будто сбросила душившие оковы.

Я засмеялась в голос, ощущая себя юной девчонкой, полной сил.

У-у-ух!!!

Рядом со мной, в сантиметрах, рухнул пласт снега с крыши, усыпав всю меня снежной крошкой. Сердце пропустило удар, а потом забилося испуганной птицей. В груди запекло еще сильнее, стало так горячо, что не вдохнуть. Я беспомощно хватала ртом воздух, потом ноги подкосились, и я упала, проваливаясь в темноту.

Максимилиан арр Телларион

— Что же ты так смотришь, дорогой? — капризно протянула Самира, опуская ресницы, но я уловил в голосе тщательно скрываемые нотки страха.

Чувствует за собой вину и опасается последствий. Когда-то я мог часами любоваться ее совершенной красотой. А сейчас едва сдерживался, чтобы не удавить мерзавку.

— Хватит на меня так смотреть! — сдали у нее нервы. — Да, у меня есть поклонник... У всех красивых девушек они есть, и в этом нет ничего предосудительного. Ты же так долго отсутствовал, не уделял мне внимания.

Что-то я не видел в ее письмах ко мне сетований по этому поводу. Лишь благодарила за подарки и драгоценности, которые я ей посылал на праздники.

— Шесть... — холодно уточнил я.

— Ну, хорошо, их шесть... — покладисто согласилась она, невинно хлопая ресницами.

Лишь напряженная складка у губ выдавала ее волнение.

— Только в этой крепости, а еще пять в Алуадаре, три в Тассоме и четыре...

— Хватит!

Я скривился, видя, как по щекам любезнейшей невесты текут слезы. Раньше, года два назад, еще до войны, я велся на ее кукольное лицо, алые пухлые губы и небесного цвета глаза. Верил, что эта непорочная синева не может

одарить собой лгунью и интриганку. Верил каждому ее слову. И вот чем все обернулось. Если бы тогда я знал, как все сложится, не стал бы оттягивать брачный ритуал. Не поддался бы на уговоры Самиры, которая подольше хотела оставаться человеком. Видел и сам плюсы в том, чтобы супруга выглядела немного старше, более подходящей моему статусу.

— Максимилиан, я... люблю только тебя, они ничего не значат! Я же твоя истинная! Клянусь всеми...

— Замолчи!

Ледяное спокойствие, которое я сохранял вопреки бушующей внутри меня ярости, дало трещину. Лживые слова ядом растекались внутри и жалили. А вместе с эмоциями наружу вырвалась тьма. Теперь на девушку смотрела сама бездна, голодная, она словно открыла свою пасть, желая заглотить новую жертву. Я не позволил.

— И ты решила, раз истинная, значит, можешь мне изменять? Думала, сможешь крутить мной, как тебе захочется?

Чернильная тьма устремилась к предательнице, но я усмирил силу, не дав той коснуться неверной женщины.

— Не надо! О, прости меня! Любимый!

Ядовито усмехнувшись, сжал кулаки. Я прекрасно знал, какой силой обладаю, знал, что Самира всегда боялась меня и моих подданных. А сейчас ее уверенность в том, что у меня нет выбора и я приму ее любой, лопалась как мыльный пузырь.

Я бы еще мог простить ей вереницу поклонников, ухаживания которых она принимала и расточала авансы, но не потерю невинности. Дурочка наслушалась проповедей жрецов и решила подарить свою чистоту человеку, спасая этим свою бессмертную душу.

Я еще не выяснил, кому она отдалась. Из поклонников она особо выделяла троих, их уже бросили в темницу. Допросом займусь лично, не желая никого иного посвящать в подробности своей личной жизни. Они умрут, вопрос лишь в том, насколько быстро и мучительно.

Сам виноват, что доклады тайно приглядывающей за ней охраны я прочитал только сейчас и узнал, как весело проводила время моя невеста. Во время войны у меня были

более важные донесения, и читать о том, как развлекается, устраивая чаепития, Самира, я посчитал лишним. Думал, случись что серьезное, мне бы доложили.

Даже к ответу охрану призвать нельзя. Они не знали, что наблюдают за моей невестой. Обретение истинной я держал в секрете, чтобы враги не использовали ее в своих целях. Тайная помолвка показалась идеальным выходом на тот момент.

Я еще спрошу с ее отца, куда он смотрел, когда его дочь компрометировала меня, ведя себя неподобающе.

Одна только мысль, что кто-то посмел посягнуть на то, что я считал своим, приводила в бешенство. А на Самиру мой вид наводил не просто ужас. В глазах невесты я отчетливо видел, что она прощается с жизнью. Нет уж, смерть — слишком мягкое наказание за то, что она натворила.

— Ты выйдешь замуж за человека самого низшего происхождения. За того, кто беден и не имеет собственного дома. Свадьба состоится завтра.

— Но... Пощади! — завывла блондинка, забыв о своей гордости, о титуле, который носила.

Это я, между прочим, возвысил ее отца-торговца, даровав титул и земли. Если уж судьба сделала истинной чело-вечку, то пусть она будет хотя бы аристократкой.

Самира обливалась слезами. В этот момент она теряла все, что было ей так дорого. Весь блеск и красоту обеспеченной жизни, на которую рассчитывала с момента обручения.

— Я же ваша... ваша...

— Больше нет.

Лениво стряхнув руки бывшей невесты со своего плаща, я стремительно вышел из покоев бывшей невесты. Было приятно, что угроза ее проняла. Пусть помучается. И это только начало.

— Будь ты проклят! — провела она вслед. — Будь ты трижды проклят!

Я отдал распоряжение охране не выпускать своевольную девицу до следующих приказов и нырнул в прохладную тьму, позволяя перенести себя в свои комнаты.

Кто бы сомневался, что Дарион уже был здесь.

Молча протянув мне шекру*, советник и лучший друг, налил себе тоже. Мы осушили бокалы одним махом. Только после этого я смог выдохнуть. Нет, о спокойствии речи не шло. Тьма все еще пыталась вырваться на волю, чтобы отомстить за каждый болезненный вдох своего носителя.

— Крепости пали, мой князь, — нарушил тишину Дарион. — Оборотни просят о мире.

Я усмехнулся. О мире нужно было думать тогда, когда они сговорились со жрецами Саранты, желая отобрать мои земли и уничтожить мою расу. Жаль, не уделял должного внимания верованиям людишек и тем, чем жрецы забивают их головы. Пощады пусть теперь не ждут.

— Переговоров не будет. Храмы уничтожить, жрецов казнить, религия Саранты отныне запрещена на всем Отриалоне**, земли оборотней и человеческих королевств, находящихся на нашем материке, под наш полный контроль. Наместников назначим. Территории союзников заговора обложить данью на сто пятьдесят лет.

На миг я задумался, вспоминая как мы с Дарионом посмеивались над жрецами Саранты, проповедующих жизнь без вампиров. Мы всегда потешались над их девизами и глупым представлением о нашей расе.

«Сегодня капля — завтра вся кровь! — вещали они, стоя на ступенях своих храмов или странствуя по трактам. — Берегись, дева, не выходи из дома в нечистые дни! А если выходишь, не забудь о пробке!»

И тут же продавались те самые пробки, которыми, по мнению жрецов, девушки и женщины обязаны пользоваться в лунные дни, дабы не привлекать внимания вампиров. Помнится, много лет назад мы с Дарионом даже прикупили несколько штук и показали нашим любовницам. Не знаю, как друг, но я тот вечер с Марриэль запомнил надолго. Осо-

* *Шекра* — крепкий алкогольный напиток, который производят из винограда путем двойной дистилляции и семилетней выдержки в дубовых бочках. (Здесь и далее прим. авт.)

** *Отриалон* — материк вампиров, где власть осуществляется путем совета, в который входят двадцать князей-архивампиров.

бенно ее пугливое выражение лица и заверения, что у нее еще не начались эти дни и беспокоиться не о чем.

Мимолетное веселое воспоминание исчезло, оставив привкус горечи на губах. Мы не предполагали, что жрецы зайдут так далеко и посмеют организовать заговор, разжигая своими проповедями недовольство народа. Они готовились не одно десятилетие, собирали союзников, золото и оружие, но в итоге были разгромлены нашей армией. И пусть вампиры вышли из войны с минимальными потерями, допускать подобное впредь я не собираюсь. А потому щадить никого не стану. Показательная порка — действенное средство, которое надолго отобьет охоту идти против Отриалона.

Пока я объявлял свою волю, советник споро записывал указы в свиток. Он управился быстро и передал бумагу мне, чтобы я ее запечатал и размножил. Девятнадцать одинаковых свитков тут же отправились другим членам совета. Я был уверен, что спорить никто не станет. Вопросы возникнут позже, когда начнется дележка территорий и обсуждение размеров выплачиваемой дани проигравшей стороной.

— Выпей. — Дарион наполнил бокал. — Все закончилось.

— Скорее началось, — скривился я, но от шекры отказываться не стал.

— Само собой, — Дарион наконец позволил себе расслабиться, — князя не упустят возможности отхватить кусок пожирнее. Но...

Взгляд друга стал серьезным.

— Что ты намерен делать с леди Самирой?

— Выдам замуж, — глухо произнес я. — За человека самого низкого происхождения.

Упоминание о той, кто стала для меня истинной парой, резануло по сердцу не хуже клинка. Я даже дышать стал прерывисто.

— С ума сошел?! — потрясенно выдохнул друг. — Замуж? За другого?

— Пока она живет, со мной ничего не случится, Дарион. Но даже ради наследника на одно ложе с ней возлечь я не смогу. Сегодня я едва удержался, чтобы не придушить мерзавку!